



МАРГИНАЛИИ

**Гергилов
Ростислав
Евгеньевич** —
кандидат социоло-
гических наук, до-
цент кафедры кон-
фликтологии
Санкт-Петербур-
гского гуманитарно-
го университета
профсоюзов. Посто-
янный автор журна-
ла. E-mail:
gerro@mail.ru

БЕССТЫДСТВО. РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

© 2016

Р.Е. Гергилов

Как известно, человеку свойственен эксцентричный способ существования. В связи с этим стыд долгое время считался универсальным феноменом. Однако многие исследователи оспаривают данный тезис, утверждая, что “бестыжими” бывают не только индивиды, но и сообщества.

Понятие “бесстыдство” предполагает полное отсутствие стыда [15, S. 19]. При этом “первичное” бесстыдство находится вне любого представления о стыде, а также его индивидуальных и социальных границах, а “вторичное”, напротив, включает в себя определенное представление о стыде и учитывает его в границах того или иного социума. Нарушая господствующие нравственные нормы или правила поведения, “вторичное” бесстыдство выходит за общепринятые пределы стыда [3, S. 9]. Обычно (но не обязательно) речь идет об агрессивном акте относительно ощущения стыда, который может быть направлен в первую очередь к Другому, но также и к самому себе.

Точку зрения о совершенно свободном от стыда состоянии человека разделяют многие психоаналитики. Они утверждают, что отсутствие стыда локализовано в самом начале онтогенеза и филогенеза в качестве первичного феномена, на котором позднее выстраивается стыд. Как пишет З. Фрейд, “...маленький ребенок не обладает стыдом... в ранние годы своего детства он выказывает недвусмысленное удовольствие от обнажения своего тела, особенно половых органов. Первертивная склонность рассматривать гениталии другой персоны становится очевидной лишь в более поздние детские годы” [12, S. 93]. Психоаналитик О. Ранк также переносит бесстыдство в самое начало индивидуального развития, трактуя “стыдливость — во сне и наяву как резкую реакцию на первоначально сильные эксгибиционистские возбуждения” [18, S. 33]. В современной версии такое понимание демонстрирует Л. Вурмзер. По аналогии с фрейдовским влечением к вуайеризму

и эксгибиционизму он приводит два врожденных влечения: “теофилию” и “делофилию” [22, S. 258]. Стыд проявляется лишь как нечто вторичное, как “реакция на возникновение теофилических и делофилических желаний” [ibid, S. 394], то есть “характерный и специфический образец защиты от скопофилии и эксгибиционизма” [ibid, S. 256]. Иными словами, первичное состояние ребенка — бесстыдство.

Идею о свободе от стыда в раннем детстве Фрейд переносит на развитие всего человечества [13, S. 166]. “Прачеловека” он описывает как существо, который “не знает никакого ограничения влечений” [ibid, S. 153] и которому телесный стыд был неведом. Гениталии были гордостью и надеждой рода человеческого, благословленного богами. Лишь в ходе “культурного развития” “божественное и священное постепенно исчезает из сексуальной сферы”, и гениталии превращаются в объект стыда и отвращения [ibid, S. 166–168].

Наряду с этим, благодаря великим путешествиям XVIII века сформировалось представление о незнающих стыда — абсолютно обнаженных и сексуально свободных дикарях. Европейцы не могли ответить на вопрос: является свобода от стыда в архаичных культурах результатом невинности или свидетельством распушенности нравов [4, S. 124]. Хотя автор теории цивилизации Н. Элиас подчеркивает, что стыдливость человека не имеет “никакой нулевой точки” [10, S. 298] и цивилизованному поведению современного человека не соответствует “естественное” состояние архаичного человека, он полагает, что при всех сдвигах, при всех “больше” или “меньше”, речь идет о “качественных” изменениях [ibid, S. 117–119]. В элиасовских описаниях средневековый человек представлен как недвусмысленно и отвратительно бесстыдный [9, S. 88]. Ничего необычного не было в том, если кто-то на улице, отвернувшись от прохожих, справлял нужду [ibid, S. 185]. Рыгать и пускать ветры в присутствии других считалось совершенно естественным. Мужчины и женщины, нередко и гости, спали в одном помещении, а многие добирались от дома до общественных бань нагишом [ibid, S. 222]. Сексуальность была “совершенно необременительна”, определенные ее практики зачастую осуществлялись открыто [ibid, S. 239, 296].

В противовес этой позиции, современные психологические и этнологические исследования подтверждают тот факт, что состояния, свободного от стыда, нет ни в раннем детстве, ни на заре истории человечества, ни в архаичных культурах. Так, формы стыда обнаруживаются у младенца. Американский психолог С. Томкинс показал, что стыд — это врожденный аффект [21, S. 73]. Он характеризует описанный Р. Шпитцем “страх восьмимесячного” ребенка, который отводит глаза или прикрывает лицо при виде постороннего, как раннюю реакцию стыда.



Немецкие психологи М. Хильгерс и Г. Зайдлер считают первичным выражением стыда момент, когда ребенок начинает “дичиться” [15, S. 194; 20, S. 195]. Рассматривая стыд не как однажды возникшее и полностью сформированное чувство, а как проходящий разные ступени развития феномен, они в то же время перекидывают мост к трактовкам, характеризующим стыд иначе, чем Томкинс, то есть не как врожденное качество. С их точки зрения, формирование стыда начинается с описанного Томкинсом различия чужого и своего в ранней жизненной фазе. Во второй половине второго года жизни у ребенка создается саморефлективный аффект стыда. Таким образом, гипотезу Фрейда о свободном от стыда периоде жизни современная психология опровергает.

О том, что вероятность свободы от стыда в “ранних” архаических культурах ничтожно мала, говорит и Г.-П. Дюрр. На многочисленных примерах он убедительно доказывает, что ни в домоdernовых, ни в “примитивных” сообществах, ни в какой культуре человечества не было состояния, свободного от стыда. Так, стыд наготы хорошо знаком как античности и Средневековью, так и неевропейским и архаическим культурам. Никто не мог ходить нагим в баню по улицам средневекового города или делить постель с посторонними [7, S. 40–62]. То же касается и естественных потребностей, отправление которых, вопреки мнению Элиаса, во всех сообществах осуществлялось в скрытых от посторонних взглядов местах и требовало определенного такта. Примечательно, что вынужденная публичная нагота считалась “позорным наказанием” [ibid, S. 58], а нередко за звуки, исходившие из недр тела средневекового человека, его наказывали [ibid, S. 235]. Сексуальность во всех сообществах относится к тайным видам активности, связанным со стыдом [4, S. 46]. Стыд наготы, функций выделения, телесных звуков и сексуальности, по Дюрру, универсален.

Итак, рассуждения о некоем “первоначально” бесстыдном состоянии человека на поверку оказываются мифом. В Ветхом завете рай — это “невинное”, свободное от стыда место истока человечества, стыд возникает лишь с актом грехопадения и изгнания из рая. Психоаналитики, начиная с З. Фрейда, переносят этот миф на “невинное” время детства каждого человека: “Бесстыдное удивление, разглядывание и показ в качестве райского состояния спроецирован на детские годы” [16, S. 17]. Мечтой и тоской о “мифической эре, свободной от стыда”, пронизаны все эпохи истории человечества, хотя эта эра на самом деле не имеет никакого отношения к исторической действительности [3, S. 414].

То, что бесстыдство и свобода от стыда — феномены отнюдь не тождественные, отмечал М. Шелер. “Киническую тенденцию” он трактовал “как влечение к эксгибиционизму” [19, S. 94]. Упомянувшийся уже Л. Вурмзер описывает “вто-

ричное” бесстыдство как “реакцию на стыд, который, со своей стороны, является реакцией на желания теофилии и делофилии” [22, S. 394]. Под “вторичным” бесстыдством явно имеется в виду другой феномен, нежели свобода от стыда: оно есть больше, чем лишь “регрессия к стадии до создания какого-либо ограничения стыда. “Вторичное” бесстыдство — это, скорее, результат создания сложного защитного слоя” [ibid, S. 393].

Бесстыдство действительно соотносится со способностью ощущать стыд. Причем бесстыдные действия подразумевают и социальную реакцию, поскольку они постоянно и осознанно ориентированы как на других индивидов и их поведение, так и на общественно установленные границы стыда. При этом отношение к ощущению стыда других всегда отрицательное. Чувства стыда других, как минимум, принимаются в расчет (прощиваются), до некоторой степени учитывается и внешняя интенция бесстыдного поведения. В таких случаях можно говорить об агрессивных актах пристыжения. Социальный характер бесстыдных поступков имеет место даже тогда, когда отсутствует публика. Тем не менее в подобных ситуациях бесстыдство направлено против — собственных и интернализированных — социальных границ стыда, то есть против социальных форм его манифестации. Поэтому то, что может быть определено как бесстыдное поведение, есть всегда относительно социально и культурно изменяющееся ощущение стыда и конвенционально установленные его общественные границы. Бесстыдство не содержит абсолютного масштаба. У каждой эпохи и каждой культуры имеются собственные “бесстыдники”: у античности — киники, у Средневековья — секты адамитов, у Нового времени — индейские “дикари”, у XX и XXI веков — нудисты и т.д. Тем самым бесстыдство предполагает знание социальных границ стыда. Их нарушение означает сознательное нарушение социальных норм и правил. Речь, действительно, идет не о первичном феномене свободы от стыда, о чем свидетельствует то обстоятельство, что бесстыдство существует не просто само по себе, оно подразумевает нечто определенное, объективируемое в социальных ситуациях. Существуют общие смысловые образцы бесстыдных поступков, любой постыдный акт предполагает прерывание “нормального” социального регулирования.

В этом смысле бесстыдство обычно выглядит как форма протеста. В качестве такового Шелер называет кинизм: “...древние киники пытались в общественных местах удовлетворять свои потребности — онанировать и пренебрегать всеми нормами в одежде и стиле жизни. Они отвергали брак и призывали к свободной любви как форме протеста против действительно или вероятно ставших пустыми форм выражения стыда посредством целенаправленного оскорбления самой его манифестации” [19, S. 94]. Виды бесстыдства функционируют

Р. Гергилов
Бесстыдство.
Ретроспективный
анализ



в форме протеста и в эпоху модерна. Так, с 1960-х годов в США на разного рода протестных акциях молодые дамы стали появляться “топлес”. Позднее получила распространение демонстрация голого зада. Кстати, подобным жестом женщина африканского племени тубу стыдит своего мужа, если он в присутствии посторонних ее оскорбил или унизил [8, S. 108].

Поскольку бесстыдство указывает на внеморальные ситуации, его можно поставить в один ряд с невинностью, естественностью и безупречностью. Так, в Европе существовали “группы людей, заявлявшие, что им присуще состояние невинности и поэтому они считают вполне нормальным появляться друг перед другом и посторонними нагишом” [7, S. 311]. Представители сект адамитов в XIV веке были уверены, “что не существует никаких естественных проявлений телесных практик, за которые следует краснеть, повторяя тем самым слова античных киников, что можно, не стыдясь, подобно собакам, открыто демонстрировать гениталии и рукоблудствовать” [ibid, S. 311]. По мнению адамитов, половой акт столь же естественен, как и принятие пищи и воды и может поэтому осуществляться без стыда в присутствии посторонних [ibid, S. 313; 3, S. 421]. По-своему собственную безгрешность демонстрировали и амстердамские анабаптисты, бегавшие после церемонии крещения в обнаженном виде по городским улицам [ibid, S. 316, 320]. К свободному от всякого стыда раю на земле взывал немецкий анабаптист К. Людвиг, который был убежден, что истинное таинство состоит в плотском смешении братьев и сестер. «В завершении совместного чтения Библии он провозглашал: “Идите, плодитесь и размножайтесь, как повелел нам Господь”. После чего его последователи раздевались и предавались плотским утехам, что на их языке именовалось “христирией”» [ibid, S. 313].

Свой смысл бесстыдство обретает тогда, когда утверждает, что оно желает отменить “нормальную”, то есть существующую и ограниченную определенными рамками стыда, форму общности. Поэтому со свободой от стыда оно не имеет ничего общего. Бесстыдное поведение ни в одном социуме не рассматривается как нормальное и пригодное к интеграции, напротив, посредством различных санкций оно нейтрализуется. Недоумение или возмущение были первой реакцией на полностью или частично обнаженных членов сект. Обычно общество видело угрозу установленному порядку со стороны того или иного бесстыдного действия и налагало на него юридические санкции. Когда в XV веке в графстве Фермо один монах крестил большую группу мужчин, которые затем полуобнаженными вошли в столицу графства, “жители города были возмущены таким бесстыдством, а нагие мужчины были схвачены и помещены в тюрьму” [ibid, S. 311]. Средневековые секты адамитов считались еретиками, были прокляты, отлучены от церкви и сожжены на кострах [3, S. 421].

Нудисты XX столетия тоже преследовались судебными инстанциями. В частности, люди, исповедующие культуру нагого тела, находились под особым наблюдением органов правопорядка. В некоторых случаях практиковался запрет на профессии, представители которых контактируют с подрастающим поколением [16, S. 19].

Примечательно, что бесстыдники обычно вынуждены сначала преодолеть собственные границы стыда. Вот что пишет об этом Дюрер. «Адамиты порой сталкивались с проблемой преодоления чувства стыда при обнажении своих гениталий. Когда, например, часть таборитов, в 1421 г. решившая отменить всякий стыд и создать „рай на земле“, стала по вечерам нагишом танцевать вокруг костров, некоторые мужчины этой секты все же не решались демонстрировать единоверцам свои гениталии» [7, S. 312–313]. Да и в XX веке отношение нудистов к своей наготы отнюдь не такое уж “естественное” и “невинное”, как может показаться на первый взгляд. Из опасений, исходящих от нагого тела, эротики и возможного появления сильного чувства стыда, они предпринимают ряд особых мер, регулирующих их взаимоотношения. В 1913 году нудист Р. Унгевицкер подчеркивал, что в обществе нагих следует вести себя более порядочно, чем среди одетых, а высказывания, жесты и взгляды должны быть очень сдержанными и осторожными. Нудистам же он рекомендовал придерживаться самодисциплины, “чтобы избегать любого сексуального возбуждения” [ibid, S. 150, 153]. На нудистских пляжах или в саунах считается неприличным рассматривать окружающих, поскольку те начинают стыдиться своей наготы. Стыд бесстыдников за произведенные ими действия является лучшим свидетельством того, что речь идет не о свободных от стыда актах, что феномен стыда носит универсальный характер.

Бесстыдство напрямую соотносится со стыдом, оно обычно служит защитным механизмом от сильного проявления этого чувства или его эмоционального перекрытия. Шелер наблюдает у особо стеснительных людей “желаемое нахальство” как “открытое потенцирование стыда”. Они пытаются скрыть свой же стыд, искусственно его прервать, либо извратить [19, S. 95]. Г. Андерс также описывает этот акт как технику преодоления, в результате которой стыд и связанные с ним слабости и недостатки “скрываются в таких противопоставленных стыду типах поведения, как, например, „безразличие“ или „нахальство“. Человек рвет на себе рубаху, чтобы скрыть свою пристыженность, зачастую желая обмануть не только тех, перед кем ему стыдно, но и самого себя” [1, S. 73].

Защитой от стыда посредством бесстыдства занимается современная психология. Один из ее основных тезисов состоит в том, что очень часто стыд выражается замаскированно. Такой маской и является бесстыдство, которое выступает как реакция



на сильное чувство стыда и попытка разрешить грозящий личностной идентичности конфликт [11, S. 3]. В этом случае стыд не преодолевается, а просто “сдвигается”, вытесняется. В акте “экстернализации” он переносится во внешний мир, чтобы там его “обработать”. В то же время бесстыдное бесчувственное поведение служит тому, чтобы чувства вообще, особенно мучительное чувство стыда, скрыть от себя и от других, отрицать его наличие. Чувство стыда преобразовывается в чувство власти: “Не обращай внимания на стыд; он лишь последний из моих страхов. Наоборот, я могу смеяться над всем миром” [22, S. 394].

Защиту от стыда посредством бесстыдства на примере эксгибиционизма рассматривает М. Хильгерс [15, S. 150; 14, S. 91]. Эксгибиционист, то есть тот, кто поддается своему влечению (вуаеризму) (Фрейд) или делофилии (Вурмзер), как раз и не является бесстыдником. Более того, он предстает человеком, переживающим очень интенсивное чувство стыда, кажущимся себе великолепным и пугающим, пытающимся преодолеть свой стыд в акте самообнажения. “Стыд не мешает эксгибиционисту демонстрировать себя” [15, S. 152]. Чувство стыда отвергается (“я нахожу все это вполне естественным и нормальным”) и в акте пристыжения направляется на жертву, которая этот акт (порой вынужденно) переживает. В то же время эксгибиционист держит свое чувство стыда под контролем: вместо слабостей он переживает власть демонстрации себя, превращая других людей в объект своего разоблачения.

Хильгерс переносит сексуальный эксгибиционизм на любой акт самопрезентации вообще. По его мнению, речь идет не столько о бесстыдном поведении, сколько об обработке внутренних конфликтов стыда как на стороне самого эксгибициониста, так и на стороне зрителя. Оба пытаются поставить их чувство стыда под контроль. Эксгибиционист переводит это чувство в некое величие и всевластие, а зритель убеждает себя, что ему самому показ такой интимности был бы неудобен и он считает себя контролирующим наблюдателем постыдной сцены. В этом смысле зритель и исполнитель едины: они обоюдно делают друг друга объектом стыда, но каждый из них представляет себя вне этого оскорбительного акта. Как только другой начинает испытывать стыд, чувство самооценки его визави может стабилизироваться [14, S. 95].

Здесь речь идет не о “первичном”, а о “вторичном” бесстыдстве, предпосылающем стыд. Это же верно и для таких актов бесстыдства, которые находятся на службе других функций, таких как защита от стыда, например, в сексуальной рекламе, расширении властных полномочий или следовании новой моде. К “бесстыдному” поведению может вести и принуждение группы [5, S. 35].

В рамках психологии состояние свободы от стыда рассматривается как патология, которая, по словам Хильгерс, имеет

место “при полном отсутствии или гипертрофии отдельных аффектов стыда” [15, S. 25]. Отсутствие чувства стыда из-за, например, ограниченного восприятия повседневности или странного поведения он диагностирует у пациентов, больных шизофренией. Ранние и серьезные нарушения границ приватной, в частности, интимной сферы индивида нередко ведут к тому, что эти границы могут длительное время не восприниматься и способствовать выработке поведения, якобы свободного от стыда. Первоначальная задача психотерапевта — помочь восстановить границы самости, чтобы возродить чувство стыда. По Г. Зайдлеру, патологическое выпадение чувства стыда [20, S. 264–265] свойственно индивидам, аффект стыда которых сформирован не полностью и поэтому отсутствует в качестве механизма внутреннего регулирования, то есть запускается лишь в присутствии реального Другого [20, S. 22]. Практикующий врач Б. Пфау отмечает, что при болезни Альцгеймера или определенных психозах и маниях пациенты, “несмотря на очень странное и малопонятное поведение и способы переживания, не проявляют никакого чувства стыда” [17, S. 56]. По прошествии острого периода заболевания чувство стыда возникает, иными словами, оно исчезало лишь на время. Его отсутствие может служить указанием на то, что пациент еще (или уже) не обладает целиком выстроенной структурой личности. В таких случаях его эксцентричность или духовный мир актуализированы не полностью; он не в полной мере обладает собой, не может дистанцироваться по отношению к себе и рассматривать себя в качестве объекта. Как следствие, у него могут — целиком или частично — выпадать присущие людям свойства, одним из которых является стыд.

Бесстыдного человека не существует в природе. Понятие “бесстыдство” используется зачастую с клеветническими и оскорбительными намерениями прежде всего в отношении тех, кто находится на уровне начальной, “нулевой” точки. Это может быть прачеловек, представитель архаичных культур или низших социальных слоев [13, S. 166–168]. Главное — он всегда Другой, чужой, его всегда можно характеризовать как “не имеющего стыда”, поскольку он не соответствует цивилизационному стандарту.

Дюрр упрекает Элиаса в том, что его теория цивилизации “искажает прошлые и чужие культуры” и оправдывает колониализм. Элиас поставляет образец легитимности для внедрения западноевропейской культуры в другие культурные образования, говоря о “сознании превосходства собственного поведения...” [9, S. 64; 10, S. 347]. Дискурс бесстыдства нецивилизованных людей просматривается здесь вполне отчетливо. Он не описывает существующую реальность, а имеет характер высказываний с целью пристыжения.

Р. Гергилов
Бесстыдство.
Ретроспективный
анализ



МАРГИНАЛИИ



Литература

1. *Anders G.* Die Antiquiertheit des Menschen. München: Beck'sche Reihe, 1980.
2. *Baer U., Frick-Baer G.* Vom Schämen und Beschämtwerden. Neukirchen-Vluyn: Semnos, 2000.
3. *Bologne J.-C.* Nacktheit und Prüderie. Eine Geschichte des Schamgefühls. Weimar: Verlag Hermann Böhlaus Nachfolger, 2001.
4. *Duerr H.-P.* Die Tatsache des Lebens. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 2002.
5. *Duerr H.-P.* Der erotische Leib. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1997.
6. *Duerr H.-P.* Intimität. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1990.
7. *Duerr H.-P.* Nacktheit und Scham. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1988.
8. *Duerr H.-P.* Obszönität und Gewalt. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1993.
9. *Elias N.* Über den Prozess der Zivilisation. Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. Bd. 1. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1991.
10. *Elias N.* Über den Prozess der Zivilisation. Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen. Bd. 2. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1991.
11. *Erikson E.-H.* Wachstum und Krisen der gesunden Persönlichkeit / Identität und Lebenszyklus. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1973.
12. *Freud S.* Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie. / Sigmund Freud: Gesammelte Werke. Fünfter Band. Werke aus den Jahren 1904–1905. London: Weatherhill, 1942.
13. *Freud S.* Eine Kindheitserinnerung des Leonardo da Vinci / Sigmund Freud: Gesammelte Werke. Achter Band. Werke aus den Jahren 1909–1913. London: Weatherhill, 1943.
14. *Hilgers M.* Die infrarote Schamlosigkeit. Exhibitionismus, Voyeurismus und die elektronischen Medien. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997.
15. *Hilgers M.* Scham. Gesichter eines Affektes. Göttingen/Zürich: Vandenhoeck & Ruprecht, 1996.
16. *Kuntz-Stahl A.* Nacktheit — gibt's die? München: Blessing, 1985.
17. *Pfau B.* Scham und Depression. Ärztliche Anthropologie eines Affektes. Stuttgart / New York: Routledge, 1998.
18. *Rank O.* Psychoanalytische Beiträge zur Mythenforschung. Leipzig / Wien: Deuticke, 1919.
19. *Scheler M.* Über Scham und Schamgefühl. Bern: Francke, 1957.
20. *Seidler G.-H.* Der Blick des Anderen. Eine Analyse der Scham. Stuttgart: Clett-Cotta, 1995.
21. *Tomkins S., Nathanson D.L.* The Many Faces of Shame. New York: Guilford Press, 1987.
22. *Wurmser L.* Die Maske der Scham. Die Psychoanalyse von Schamaffekten und Schamkonflikten. Berlin: Springer, 1998.